

ГЕРАЛЬД РАУНИГ.
ИСКУССТВО И РЕВОЛЮЦИЯ.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АКТИВИЗМ В ДОЛГОМ
ДВАДЦАТОМ ВЕКЕ

Алексей Борисёнок¹

СПб.: Изд-во Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2012. 266 с.
(Серия «Эстетика и политика». Вып. 2.)

Искусство и революция. Художественный активизм в долгом двадцатом веке – это первая переведённая на русский язык книга исследователя и активиста Геральда Раунига, фрагменты которой ранее публиковались на русском языке в газетах активистско-философской платформы «Что делать?». В сфере интересов автора – теория машин, критика креативности и когнитивного капитализма, политический и художественный праксис. Автор исследует пересечения художественных практик и политического праксиса, совмещения революционных машин и машин искусства: от Парижской Коммуны до антиглобалистских протестов.

Геральд Рауниг критикует дискурсы тотализации смешения искусства и жизни, рассматривая трансисторические модели художественной практики и политики, в которых применяются другие тактики сопряжения искусства и революции. Используя тезис Беньямина о фашистском искусстве², автор напоминает, что подобные дискурсы ведут к эстетизации политики, а следовательно, и производству новых иерархий и структур. «Такого рода объединяющий союз масс и искусства не порождает ни ассамбляжей единичностей, ни организационных соединений, стремящихся изменить условия производства» (с. 14). С опорой на концепт машины Делёза–Гваттари, он предлагает обратить внимание на художественные и активистские практики, в которых, подобно сложному концептуальному ансамблю французских постструктуралистов, используются термины не замещения или приспособления, но подсоединения и обмена.³ Поэтому цель книги – выступить против дискурсов тотализации и

¹ Алексей Борисёнок – студент магистерской программы «Визуальные культурные исследования» Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

² Беньямин В. *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе*. М.: Нем. культ. центр им. Гёте, «Медиум», 1997.

³ Более детальный разбор понятия машины можно найти в: Raunig G. *A Thousand Machines*. Los Angeles: Semiotext(e), 2010.

предложить новый междисциплинарный взгляд на трансверсальные художественные и политические практики, делающие возможным временное пересечение машин искусства и революционных машин. В многочисленных примерах, которые приводит автор (Парижская Коммуна, немецкий активизм 1910-х, производственное искусство, ситуационистский проект, венский акционизм, антиглобалистские и сапатистские восстания), момент сопряжения искусства и революции часто остаётся затемнённым или фрагментарным, иногда потенциальным, однако это не значит, что подобные проекты молекулярных революций терпят поражение. Все эти проекты экспериментируют с новыми формами социальной и художественной организации, работают с учредительной властью.

Рауниг критикует классические искусствоведческие и политические нарративы за вытеснение или нейтрализацию дискурсов художественного активизма и активистского искусства. В его книге также критикуется классическая историография, которая мыслит исторический процесс как линейность, что делает невозможным рассмотрение дискурсивного многообразия радикальной политики. Тогда как сам автор обращается к разрывам и обломкам истории, где практикуются экспериментальные формы учредительной власти.

Рауниг обозначает временные рамки исследования как *долгий двадцатый век*, говоря о том, что Парижская Коммуна (март-май 1871) формирует тип восстания, который будет практиковаться всеми последующими революциями XX века. Стоит отметить, что анализируемые практики работают не с молярным типом власти, но с молекулярностью и сингулярностью событий. Эта пара «молярность/молекулярность» разрабатывалась Делёзом и Гваттари и представляет собой оппозицию между господством (молярные аппараты) и сопротивлением (микромножества, которые подрывают стабильность аппаратов). Подобные практики всегда обозначаются негативно, то есть в терминах поражения и проигрыша, однако, как отмечает Рауниг, такое поражение всегда и продуктивно.

Книга выстроена в концептуальной рамке постструктурализма: для прояснения своей точки зрения автор использует концепты Делёза–Гваттари (машины, микрополитика), теории власти и «заботы о себе», парресии (древнегреческая практика бескомпромиссного говорения правды о самом себе, концептуализированная Мишелем Фуко). Исследование также основывается на проблематике революции и труда у итальянских постопераистов (Антонио Негри, Паоло Вирно). Важность подобного исследовательского проекта состоит в том, что для развивающихся областей художественных практик типа эстетики взаимоотношений и активистского искусства необходима генеалогия, но не историография, необходим дискурс (а желательно – множество) и чувствительные исследовательские инструменты. Используя *Империю* Негри и Хардта, а также выступление авторов на художественно-исследовательской выставке «Документа (11)», Рауниг обращается к многообразию

учредительных практик, рассматривает революцию «как незавершённый и незавершаемый молекулярный процесс, необязательно соотносящийся с государством как с чем-то внутренне присущим и универсальным, но, напротив, возникающий до и вне государства» (с. 23), и предлагает мыслить революционную машину как триаду сопротивления, восстания и учредительной власти.

Над концепцией соединения этих компонентов революционной машины работает и Антонио Негри. В соавторстве с Майклом Хардтом они ставят вопросы о новых видах и модальностях власти, и соответственно контрвласти (*counterpower*), в горизонте новых постфордистских производственных отношений. В своей радикальной политической теории Негри и Хардт пытаются доказать, что компоненты революционной триады были рассогласованы в эпоху Нового времени и только сейчас, с кризисом национальных государств, могут сойтись (с. 44). Поэтому автор рецензируемой книги ставит перед собой цель актуализировать три компонента этой триады в исторических контекстах.

Существенное концептуальное расширение для радикальных проектов, таких как активистское искусство или институциональная критика, находится в сфере учредительной власти.⁴ Рауниг, учитывая разделение Спинозой власти на *potestas* («власть над...») и *potential* («способность к...») (с. 41, 57) и более поздние интерпретации этого разделения Холлоуэем и Негри, понимает под учредительной властью «коллективную субъективацию и формирование за пределами учреждённой власти»; кроме того, «учредительная власть соотносится прежде всего с испытанием, проверкой альтернативных форм социальной организации» (с. 57). Каждое сражение порождает свои молекулярные формы организации, которые нельзя использовать заново – их необходимо переизобретать. Достаточно пространно у Раунига выглядит описание этих форм и работы учредительной власти. Он также уделяет внимание разным формам советов, анархистским молекулярным аппаратам, пограничным лагерям и политическим караванам.

Возможность сопротивления мыслится в терминах делезианской микрополитики («линии ускользания») и постопераистских теорий революции. Выработывается формула «сопротивления везде», что созвучно дискурсам политического активизма (эхо автономизма). Сопротивление и учредительные практики понимаются как длительность, а восстание – как разрыв. Поэтому много внимания в книге уделяется критике ступенчатых теорий революции как одномерного захвата государственной власти, критике авангардной роли партии и субъектности интеллектуала. Рауниг подчёркивает, что соединение компонентов революционной машины не может мыслиться линейно. Речь идёт о движении «через»,

⁴ Более детальный разбор понятия учредительных практик можно найти в: Рауниг Г. *Учреждающие практики: ускользать, учреждать, трансформировать* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://eipcp.net/transversal/0106/raunig/ru>.

движении «поперёк» – о трансверсальном движении. Поэтому необходимо обратить внимание не на захват государственной власти, но на учредительные практики в противовес учреждённой власти.

Трансверсальность – важный термин Делёза–Гваттари, один из ключевых моментов их политической теории, обозначающий различные формы неиерархической организации. Это пространственный термин для обозначения поперечного пересечения дугообразных кривых на плоскости. В своей книге Рауниг так описывает трансверсальное сопряжение: «В отличие от централизованных форм организации и полицентрических сетей, трансверсальные линии создают а-центричные структуры, которые движутся не на основе заданных путей и каналов, из одного пункта в другой, но *через* пункты в новом направлении» (с. 196).

Таким образом, книга представляет собой анализ ситуаций сопряжения искусства и радикальной политики «до» и «после» революции, анализ того, каким образом работают между собой элементы революционной триады – сопротивление, восстание и учредительная власть. Автор подробно останавливается на критике политического дискурса, вытесняющего радикальные проекты (ЛЕФ и производственное искусство, ситуационизм), но мало внимания уделяет критике искусствоведческих дискурсов и внутренне присущих самому искусству концепций и теорий. Постфордистский ландшафт с гибкими системами управления и контроля (в противовес дисциплинарным механизмам) рождает новый тип власти, а следовательно, и контрвласти. Поэтому и не вызывает удивления тот факт, что *долгий двадцатый век* заканчивается именно антиглобалистскими восстаниями – фестивализация массовых протестов легко захватывается новыми гибкими механизмами контроля.